О СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СВОЙСТВАХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ) В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ*

Люди начали лучше одеваться, и поэтому
очередь стала привлекательнее.
Еще никто не жил в тесноте без обиды.

В. Голобородько

1. Одной из проблем, стоящих перед современной лексической семантикой, является проблема комбинаторики лексических единиц, с решением которой связано исследование сочетаемостных свойств слова. Наблюдения над фактами сочетаемости слов проводились многими исследователями. Так, Л.В. Щерба обращал внимание на важность изучения «правил сложения смыслов» [Щерба 1931]. Необходимость исследования этой области подчеркивал В.В. Виноградов [Виноградов 1969]. За последние годы интерес к вопросам сочетаемости слов усилился. В советском языкознании появились работы В.Г. Гака [Гак 1971], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974], И.А. Мельчука [Мельчук 1974], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], В.Н. Телии [Телия 1981], Г.А. Золотовой [Золотова 1982], П.Н. Денисова и В.В. Морковкина ([Денисов, Морковкин 1978], [Денисов, Морковкин 1983]) и многие другие, авторы которых подходят к этой теме с разных точек зрения. Эти исследования, дополняя друг друга, очерчивают довольно широкий круг проблем, связанных с характером и механизмом сочетаемости слов, с видами сочетаемости, со сферой действия сочетаемостных свойств слова, с выходом результатов исследования сочетаемости в лексикографию, в методику и практику преподавания русского языка, в частности как неродного.

Семантические исследования последних лет ([Гак 1977], [Иванова Л. 1980], [Иванова Л. 1985], [Васильева 1983] и др.) вплотную подошли к вопросу об изучении сочетаемостных свойств слова в сопоставительном плане. Особый интерес представляет изучение со-

* Опубликовано в: Болгарская русистика. 1991. № 5–6. С. 102–109.

четаемостных свойств слова в близкородственных языках. Методика попарного сопоставительного анализа лексических единиц русского и болгарского языков [Червенкова 1987] включает сравнение их семантической и лексической сочетаемости. Попарный сопоставительный анализ лексических единиц близкородственных языков позволяет вскрыть особенности, которые остаются незамеченными при внутриязыковом анализе. Это, в частности, касается сочетаемостных свойств лексических единиц.

Особое место здесь занимают имена прилагательные, что является отражением семантической несамостоятельности этого класса признаковых слов. Как отмечает А.А. Уфимцева, прилагательное «в большей степени обязательности, чем глагол, нуждается (по логике вещей и реально функционирующего языка) в дополнительности своей семантики предметными именами, актантами этого своеобразного предиката» [Уфимцева 1986: 201–202]. У прилагательных есть валентность, которая при их реализации обязательно заполняется определенными предметными именами. Таким образом, прилагательные следует рассматривать всегда в контексте, включающем «предмет», которому приписан выражаемый прилагательным признак. Прилагательные, как правило, обозначают весьма обобщенный признак, который нуждается в конкретизации. Эта конкретизация осуществляется в определенных сочетаниях. Поэтому в семантическом анализе прилагательных представляется целесообразным в качестве исходного иметь сочетание типа *интересный X*. В соответствии с этим толкования прилагательных строятся по модели: ‘X такой, который…’ Указание соответствующей переменной (X) удовлетворяет предъявляемому к толкованию прилагательных требованию о включении в него области денотатов, которым можно приписывать соответствующий признак [Вольф 1978: 5].

Предметом дальнейшего изложения является сопоставительный анализ (в его содержательном аспекте) русских и болгарских прилагательных с учетом их семантической и лексической сочетаемости.

2. Анализу были подвергнуты лексические пары прилагательных с исходным русским словом на буквы Г и (частично) С по [Морковкин 1984]. Сопоставление проводилось на базе словарных данных. Это

определило особенность подхода к материалу по сравнению с лексикографическим подходом (в одноязычном словаре). Лексикограф, располагая большим количеством контекстов употребления определенного слова, «распределяет» материал с точки зрения значения, выраженного словом в контексте. Мы же в своей работе шли обратным путем: располагая упорядоченными словарными данными (толкованиями и иллюстративными примерами в русских и болгарских словарях), пытались строить толкования, приспособленные к задачам сопоставительного анализа, отмечая при этом условия сочетаемости.

В качестве примера построения семантического пространства лексических единиц русского и болгарского языков, образующих одну лексическую пару, приведем запись семантического пространства лексической пары р. *голый* – б. *гол*.

голый	(1)	‘X такой, который не имеет на себе одежды’ [X – ‘человек’, ‘часть тела человека’]	*гол*
— “ —	(2)	‘X такой, который не имеет денежных или других средств’ [X – ‘лицо’]	— “ —
— “ —	(3)	‘X такой, который не имеет покрова (волос, шерсти, перьев, листьев…) (обычно имеет)’ [X – ‘части человеческого тела’, ‘животное’, ‘растение’]	— “ —
— “ —	(4)	‘X такой, который не имеет растительного покрова (обычно имеет)’ [X – ‘местность’]	— “ —
— “ —	(5)	‘X такой, который ничем не покрыт (обычно покрыт)’ [X – ‘предмет’]	— “ —
— “ —	(6)	‘X такой, который не имеет ничего в дополнение (обычно дополнение имеется)’ [X – ‘вещество’]	— “ —
— “ —	(7)	‘X такой, который не имеет ничего в дополнение (обычно дополнение имеется)’ [X – р. ложь, истина, правда, действительность, … б. лъжа, истина, правда, действителност, ...]	— “ —
— “ —	(8)	‘X такой, который не имеет ничего в дополнение (дополнения к X-у желательны)’ [X – р. факты, идеи, цифры, самочувствие, ... б. факти, идеи, цифри, самочувствие, …]	— “ —

В центральной части записи даны толкования, образующие семантическое пространство этой лексической пары. Каждое из толкований относится к обоим членам пары – русскому (слева от толкования) и болгарскому (справа). Толкования сопровождаются информацией (в квадратных скобках) о сочетаемостных свойствах сопоставляемых слов. Компонент, характеризующий их семантическую сочетаемость[1], приводится в одиночных кавычках (см. толкования (1–6)).

В случаях ограничений лексического характера[2] слова приводятся списком (см. толкования (7) и (8)). Многоточие указывает на незаконченность списка.

Итак, результатом анализа является информация о семантике сравниваемых прилагательных (собственно толкования), с одной стороны, и о семантике слов, заполняющих их обязательную семантическую валентность (данные об условиях сочетаемости) – с другой. В картотеке[3] к каждой лексической паре приводятся примеры, иллюстрирующие сочетаемость ее членов.

Такому способу отражения сочетаемости прилагательных свойственна «информативная емкость» [Брагина 1984: 78]. Это дает возможность прогнозировать сочетаемость прилагательных, что важно, в частности, при обучении русскому языку. Указание семантического компонента позволяет строить любые сочетания данных прилагательных с классом слов, включающим этот компонент. Что касается иллюстративных примеров, то они выполняют «дополнительную контрольную функцию» [Богачева 1984: 85], помогая проверить, насколько верна информация, содержащаяся в семантизирующем отрезке.

---

1 «Под семантической сочетаемостной информацией лексемы X понимается указание семантического знака f, наличие которого у языковой единицы Y необходимо и достаточно для того, чтобы она могла быть связана с X-ом определенным синтаксическим отношением» [Апресян, Палл 1982, Т. 1: 48]

2 «Под лексической сочетаемостной информацией лексемы X понимается указание (в виде списка) класса у конкретных слов, которые могут быть связаны с X-ом определенным синтаксическим отношением» [Там же: 49].

3 Картотека, составленная Проблемной группой по вопросам сопоставительного анализа современной лексики русского и болгарского языков, находится в Софийском университете на кафедре русского языка.

Так, запись [X – ‘человек’] в толковании (1) означает, что возможны сочетания *голый человек – гол човек*, *голый ребенок – голо дете*, *голый мальчик – голо момче* и т.п. С другой стороны, запись [X – р. *истина*, *правда*, *ложь*, *действительность*, ..., б. *истина*, *правда*, *лъжа*, *действителност*, ...] к толкованию (7) означает, что именно с этими словами сочетаются прилагательные *голый – гол* и что, например, такие сочетания, как *голая справедливость – гола справедливост*, *голая неправда – гола неправда*, *голое вранье – гола лъжа* вряд ли корректны, несмотря на семантическую близость р. *справедливость* к словам р. *правда*, *истина* и р. *неправда*, *вранье* – к р. *ложь*.

3. Известно, что при сопоставлении лексических единиц разных языков, в том числе и близкородственных, тождество семантики еще не означает тождества в их сочетаемости. Это подтверждают результаты попарного сопоставительного анализа прилагательных русского и болгарского языков. Рассмотрим несколько пар.

3.1. Лексическая пара *громкий – гръмък* обнаруживает тождество семантики в толковании ‘X такой, который очень известен’. Однако, если в русском языке сочетания типа *громкий успех*, *громкая слава*, *громкое имя*, *громкий процесс*, *громкий ресторан* возможны, то б. *гръмък* употребляется в сочетаниях со словами *слава*, *име*, но сочетания со словами *успех*, *процес*, *ресторант* некорректны (ср.: *голям успех*, *скандален процес*, *известен ресторант*).

3.2. Прилагательное *гражданский* в толковании ‘X такой, который не относится к военному’ [X – ‘не-лицо’] имеет в качестве соответствия в болгарском языке прилагательное *граждански*. Анализ сочетаемостных ограничений показал, что р. *гражданский* может выступать в сочетании со словами *служба*, *авиация*, *жизнь*, *одежда*, …, а б. *граждански*, образуя сочетания *гражданска служба*, *гражданска авиация*, однако, не сочетается со словами *живот*, *облекло* (ср.: *цивилен живот*, *цивилно облекло*).

3.3. Анализ лексической пары *государственный – държавен* обнаруживает, что в толковании ‘X такой, который имеет значение для государства, защищает интересы государства’ [X – ‘не-лицо’], наблюдается совпадение семантики прилагательных при различии в сочетаемости (ср.: *государственная политика – държавна политика*,

государственная тайна – държавна тайна, *государственные интересы – държавни интереси*; но *государственный подход – държавнически подход* (а не *държавен подход*).

Такого рода информация о несовпадении сочетаемости при тождестве семантики слов (тем более слов-аналогов, как в первых двух лексических парах) должна последовательно включаться в двуязычные русско-болгарские словари и в учебные пособия как особенно нужная для носителей русского языка.

4. Обсуждая вопрос о роли сочетаемостных свойств имен прилагательных в сопоставительном анализе, важно отметить тот факт, что иногда появляется необходимость «расщепления» толкований, данных в толковых словарях русского языка (или болгарского языка), по причине различия в сочетаемости русского и болгарского прилагательных, образующих лексические пары. Это способствует более точному выявлению эквивалентов и четкому построению поля соответствия анализируемой лексической пары.

Рассмотрим два примера такого «вынужденного расщепления». При этом будут приведены не все толкования, полученные в процессе анализа соответствующей лексической пары, а только интересующие нас в данном случае.

4.1. Прилагательное *светлый* в одном из своих значений имеет в [СРЯ 1981] толкование «блестящий, излучающий блеск». Эквивалентное ему в этом значении прилагательное *светъл* в РСБКЕ толкуется следующим образом: «който е осветен и блести». В ходе сопоставительного анализа на основе указанных словарных толкований было построено толкование ‘Х такой, который отражает свет и блестит’. И если в одних случаях приведенному толкованию в русском языке будет соответствовать прилагательное *светлый*, а в болгарском – *светъл*, то в других случаях в русском языке будет соответствовать прилагательное *светлый*, а в болгарском проявляются такие соответствия, как *лъскав, блестящ, светещ* (ср.: *светлая поверхность озера – светла повърхност на езерото*; *светлые пуговицы – лъскави / блестящи копчета*, *светлый кинжал – блестяща кама*, ...). Таким образом, анализ привел к необходимости включить в семантическое пространство еще одно толкование, которое отли-

чается значением Х-а. В одном толковании Х имеет значение водной поверхности [Х – ‘водная поверхность’], а в другом – металлической поверхности [Х – ‘металлическая поверхность’].

4.2. Возьмем лексическую пару *горький – горчив*. В словарях приводятся следующие толкования: *горький* – «имеющий особый неприятный едкий вкус (вкус хины, полыни)». *Как полынь горький. Горький вкус. Горькое лекарство. Горький запах. Горький перец. Горькая редька* ([СРЯ 1981], [Денисов, Морковкин 1983]); *горчив* – «който има силно неприятен вкус на пелин, хинин и под. *Горчиво царевично брашно*, *горчиви листа на равнец*, *горчива трева*...» [РБЕ 1977]. На основании этих данных были построены два толкования, которые снабжены различной информацией о сочетаемости: в одном случае – [Х – р. *хина*, *полынь*, *лекарство*, *трава*, …; б. *хинин*, *пелин*, *лекарство*, *трева*, ...], а в другом случае – [Х – р. *перец*, *лук*, *редька*, ...; б. *пипер*, *чушка*, *лук*, *ряпа*, ...]. В первом случае эквивалентом к р. *горький* является б. *горчив*, а во втором – б. *лют*.

5. С вопросом о значении учета сочетаемости в сопоставительном анализе связан и вопрос о характере дифференцирующего контекста. Как уже было отмечено, толкование прилагательных строится с учетом их семантической несамостоятельности, что определяет форму их толкований. Минимальный контекст типа *интересный Х* в большинстве случаев достаточен, однако есть и такие значения прилагательных, толкование которых требует более широкого контекста, дающего возможность точнее установить значение входящего в него прилагательного.

5.1. В исследованном материале встретились случаи, когда минимальный контекст оказался недостаточным. Так, при анализе лексической пары *грамотный – грамотен* было замечено, что сочетания *грамотный человек – грамотен човек* не однозначны. Валентность носителя признака при прилагательном заполняется словами, имеющими в своей семантике компонент ‘лицо’ [Х – ‘лицо’], ср.: *грамотный старик*, *грамотный ученик*. Однако *грамотный* в этих сочетаниях может иметь разные значения. Следовательно, для построения толкований необходимо привлечь более широкий контекст, что выражается в более подробном описании ситуации, позволяющем снять

неоднозначность. Например, *Старик был грамотный, умел читать и писать. – Старецът беше грамотен, умееше да чете и пише*; *У грамотного ученика ошибки в диктанте редко бывают. – Грамотният ученик рядко има грешки в диктовката*. Контексты такого рода оправдывают введение следующих двух толкований: ‘Х такой, который умеет читать и писать’ и ‘Х такой, который умеет правильно читать и писать’. Они сопровождаются одинаковой сочетаемостной информацией – [Х – ‘лицо’]; различаются эти толкования компонентом «правильно».

5.2. Недостаточность минимального контекста обнаруживается и при анализе лексической пары *глупый – глупав*. Сочетания *глупый человек – глупав човек*, *глупый волк – глупав вълк* не однозначны. С прилагательными *глупый – глупав* могут сочетаться слова, имеющие в своей семантике компонент ‘лицо’ или ‘животное’. Однако для уточнения толкований нужно иметь в виду более широкий контекст, так как минимальный контекст скрывает существующие различия в значениях. В предложениях *Этот человек от природы глуп. – Този човек по природа си е глупав*, в которых приводится более широкий контекст, прилагательные *глупый – глупав* выступают в значении ‘Х такой, чьи умственные возможности меньше нормы’ [Х – ‘лицо’, ‘животное’], а в предложениях *Неужели она была такая глупая, что при всех спросила его об этом? – Нима тя бе толкова глупава, че пред всички го попита за това?* – в значении ‘Х такой, который не догадывается сделать Р, при условии, что он может и умеет делать Р’ [Х – ‘лицо’, ‘животное’].

5.3. Анализ лексической пары *свободный – свободен* также обнаружил недостаточность минимального контекста. Расширение контекста путем более подробного описания ситуации в этом случае приводит к более точному определению лексического соответствия в болгарском языке. В сочетаниях типа *свободная квартира*, *свободная комната* прилагательное *свободный* имеет соответствием в болгарском языке слово *свободен* [‘Х такой, который не занят У-ом’, Х – ‘пространство’, У – ‘лицо’, ‘предмет’ *с. стул*, *с. ящик*]. Однако в этих же сочетаниях в контексте: *У Ивановых большая и свободная квартира*, *мебель расставлена со вкусом*, *ничего лишнего*, прилага-

тельное *свободный* имеет уже значение ‘Х такой, который не тесен’, которому в болгарском языке соответствует *просторен*, *широк*.

5.4. К аналогичному результату привел анализ лексической пары *свежий – пресен*. Сочетания *свежая капуста*, *свежие огурцы*, *свежие помидоры* можно отнести в равной степени к толкованию ‘Х такой, который недавно получен, добыт для употребления (не потерявший своих хороших естественных качеств)’ [Х – ‘пищевые продукты’], и к толкованию ‘Х такой, который не подвергался обработке’ [Х – ‘пищевые продукты’]. Для определения болгарского эквивалента в данном случае, при аналогичной семантической сочетаемости, требуется более широкий контекст. В предложении *Я люблю есть и свежие, и соленые огурцы* противопоставление *свежие – соленые* позволяет в данном случае правильно выбрать болгарский эквивалент: р. *свежие огурцы* – б. *зелени краставици* (а не *пресни краставици*). Ср.: *Огурцы у вас свежие? – Да, только что привезли*, подразумевается, что огурцы недавно добыты для употребления (сняты с грядки). В данном случае болгарский эквивалент – прилагательное *пресен*.

В заключение отметим, что учет сочетаемости лексических единиц русского и болгарского языков в сопоставительном аспекте требует изучения реализации их сочетаемостных свойств в речи, в функционировании этих лексических единиц русского и болгарского языков, что предполагает опору на материал, выходящий за рамки словарного. Это входит в задачи дальнейшего попарного сопоставительного анализа русских и болгарских лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974 — Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 366 с.

Апресян, Палл 1982 — Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Т. 1–2. Budapest: Tankönyvkiadó, 1982. Т. 1. 836 с.; Т. 2. 836 с.

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Москва: Наука, 1976. 383 с.

Богачева 1984 — Богачева Г.Ф. Некоторые аспекты взаимосвязи сочетаемости слова и его толкования // Сочетаемость

слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. Москва: Русский язык, 1984. С. 79–86.

Брагина 1984 — Брагина Н.Г. Об одном способе отражения сочетательной ценности слов в учебном толковом словаре русского языка // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. Москва: Русский язык, 1984. С. 73–79.

Васильева 1983 — Васильева В.Ф. Некоторые наблюдения над сочетаемостными особенностями качественных и относительных прилагательных в русском и чешском языках // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983. С. 235–251.

Виноградов 1969 — Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. Москва: Просвещение, 1969. С. 5–23.

Вольф 1978 — Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. Москва: Наука, 1978. 200 с.

Гак 1971 — Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. Москва: Наука, 1972. С. 367–395.

Гак 1977 — Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Ленинград: Просвещение, 1977. 300 с.

Денисов, Морковкин 1978 — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка (под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина). Москва: Русский язык, 1978. 688 с.

Денисов, Морковкин 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка (под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина). Москва: Русский язык, 1983. 688 с.

Золотова 1982 — Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва: Наука, 1982. 368 с.

Иванова Л. 1980 — Иванова Л.И. Русское *низкий* и английское *low* (сходства и различия лексической сочетаемости) // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж: ВГУ, 1980. С. 54–58.

Иванова Л. 1985 — Иванова Л.И. Производно-номинативные значения прилагательных в аспекте межъязыковых различий //

Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж: ВГУ, 1985. С. 47–59.

Мельчук 1974 — Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей ‘Смысл ⇔ Текст’. Москва: Наука, 1974. 314 с.

Морковкин 1984 — Лексическая основа русского языка (под ред. В.В. Морковкина). Москва: Русский язык, 1984. 1168 с.

РБЕ 1977 — Речник на българския език (под ред. на Кр. Чолакова). Т. 1–6. София: БАН, 1977–1990. Т. 1. 911 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 770 с.; Т. 4. 868 с.; Т. 5. 1030 с.; Т. 6. 964 с.

РСБКЕ 1954 — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София: БАН, 1954–1959. Т. 1. XI, 682 с.; Т. 2. 940 с.; Т. 3. 695 с.

СРЯ 1981 — Словарь русского языка. Т. 1–4. Москва: Русский язык, 1981–1984. Т. 1. 696 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 750 с.; Т. 4. 790 с.

Телия 1981 — Телия В.Н. Типы языковых значений (связанное значение слова в языке). Москва: Наука, 1981. 269 с.

Уфимцева 1986 — Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. Москва: Наука, 1986. 239 с.

Червенкова 1987 — Червенкова И. Некоторые проблемы семантического изучения лексики русского и болгарского языков // Годишник на СУ, LXXVII (за 1983), № 1. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1987. С. 41–74.

Щерба 1931 — Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. Ленинград, 1931. С. 18–36.